

Переехав через гору и спустясь в долину, осенённую деревьями, я увидел минеральный ключ, текущий поперёк дороги. Здесь я встретил армянского попа, ехавшего в Ахалцык из Эривани. «Что нового в Эривани?» — спросил я его. «В Эривани чума, — отвечал он, — а что слышать об Ахалцыке?» — «В Ахалцыке чума», — отвечал я ему.

*А.С.Пушкин. «Путешествие
в Арзрум во время похода 1829 года»*

И придут два посланника от Тейри-Хана — один принесёт людям любовь, другой даст справедливость. Так получают люди сначала добро, а потом достоинство.

Из аланских сказаний

Тайное благодеяние, как и всё божественное, нечасто встречается в этом мире — и всё же список нераскрытых благодеяний, возможно, не меньше, чем перечень не избличённых злоумышленников...

А.Скацкий. «Этика правой и левой руки»

1

Профессор прелестей

Говоря попросту, я человек обмирщённый — в том смысле, что не адорант, не праведник, — поэтому понимаю, и опыт мой о том свидетельствует, что мы, люди, — это то, что думают о нас другие. Что думают и как думают. Да, и как — как думают, какие чувства переживают, это существенно. Печаль, зависть, тихая радость, разочарование, безглиявая неприязнь — эти тона порой красноречивей самих мыслей. Ведь чувства если и захочешь утаить — поди попробуй.

Особенно наглядно это (что мы — то, что и как думают о нас) становится после смерти. За гробом. Не для умерших, а для пока ещё живущих. В своё время на поминках Овсянкина сказали так много и с таким надрывом, что впору скорбеть — какой исполин духа, букет каких дарований, доблестей и ума рассыпался и нас оставил. Не абы кто — эталон со-

временника, не меньше. А что на самом деле? А на самом деле — пузырь земли, и только. Благо что при своём деле — хозяин заведения, где для знакомых доступна выпивка в кредит. Или я чего-то о нём не знаю? «Там, где на русских небесах сияла его звезда, теперь зияет дыра, из которой сквозит космический мороз...» Так сказал один из поминающих; и заткнуть, мол, эту дыру некем, никого нет покойному *равномасштабного*. Готовился, должно быть, прежде чем сказать, — чтобы другие не только о покойном хорошо подумали, но и о нём, сообщившем про звезду и дыру.

За собой, конечно, тоже замечаю, как важно для меня, вопреки известной заповеди, не быть, а казаться. Чтобы все знали, какая перед ними птица. Сделал чепуховину — пусть будет на виду, пусть всякий понимает, какой мной свершён изысканный пустяк, какой изящный завиток заверчен. А если вдруг интрижка — зачем её таить? Пускай дивятся на удальство. Скрывать? Разве что от жены (если есть) и от её, жены, родни — это милосердно. А так — с какого перепугу?

Задумался сейчас, что, верно, тороплюсь, должным образом не объясняю мотивировки — поэтому, возможно, есть ко мне вопросы. Побуждения туманны? Тогда пример из русской сказки. Вот колобок. Он, озорник, и от дедушки ушёл, и от стряпухи-ба-

1. ПРОФЕССОР ПРЕЛЕСТЕЙ

бушки — со свистом и с песенкой. От зайца ушёл и от волка ушёл. И от медведя ему не хитро уйти. И непременно с песенкой. А что в ней, собственно, такого? Зачем она, казалось бы? А вот нужна! Нужна, и всё там неспроста. Там каждое «ушёл» — манифестация его, колобка, сладчайшей самости, гимн, так сказать, ликующего бытия: я есть! Если подумать: ушёл — и слава богу. Раз такой ловкач, тихо сиди, как мышь под веником, — подольше проживёшь. Но всё как раз наоборот: желание поведать о себе миру — неодолимо. О том, как ты ушёл, как был хитроумен и вон куда сумел добраться в этом сумрачном лесу. И он, колобок, вновь и вновь без устали вещает, и раз за разом достраивает свою историю, продолжает — ведь он, такой румяный, такой душистый и желанный, ушёл, воспользовавшись собственной недооценённостью, не только от бабушки и дедушки, но и от зайца, и от волка... И ему внимают, удостоверяя тем самым его существование. Потому что если ты не ушёл от бабушки или от дедушки — тебя нет. И если ты ушёл, но никто не знает об этом — тебя тоже нет. А если ты хочешь *быть* — ты должен непременно уйти и поведать об этом миру.

Когда говорю «*быть*» — речь, конечно, не о бессмертии души, но о долговременности памяти. Памяти о тебе. О, так сказать, консервации этой памяти. Потому что есть путь благочестия, ведущий к правед-

ности и спасению, а есть вот этот — путь колобка с его историей, которая способна при удачном стечении обстоятельств тебя увековечить. Опустим печальный финал этой хвастливой выпечки; его никому не избежать.

Однако тот, о ком пойдёт речь, — исключение. В отличие от колобка и легиона его, колобка, последователей он исповедовал иное правило: лучше дела без слов, чем слова без дел. Поэтому он — не то. Совсем не то, что о нём думают. Да и обмирщённым его назвать никак нельзя — разве что в смысле мирского подвижничества, заковыристой мирской святости. Он, что ли, олицетворял особую форму юродства — засланец неба в юдоли скорбей. Как жук-навозник, он смиренно работал с тем материалом, который имел в наличии.

А вот я, как и несомненное большинство во круг, — колобок. И нет сраму в том, чтобы походить на большинство. Что такого? И без меня тут каждый выпрыгивает из штанов, чтобы не быть как все, чтобы непременно иметь выражение лица *необщее*. Такое, чтобы не спутали с другим. Все как один не желают быть как все. И что выходит? Смех и грех: уже только через это своё желание они, точно на параде, точно в шеренге на армейском плацу, — как все. Пусть в эти игры играет дурачок. Есть собаки с врождённым нравом: хаски — добродушны, спаниели — ревнивы, ягдтерьеры — бесстрашны. Так и люди —

1. ПРОФЕССОР ПРЕЛЕСТЕЙ

они тоже рождаются с характером, с чужинкой, с голосом внутри. И тут ничего не попишешь. Станешь натаскивать собаку поперёк природы — поломаешь собаку. Попробуешь исправить или воспитать характер у человека — сломаешь человека.

Словом, я — колобок, а он, Емеля, — нет. Он другой. Он не рассказывает о себе истории. Истории рассказывают о нём.

И вот ещё.

Сказав, что я — колобок, я, разумеется, имел в виду не форму, не телесность, не внешний облик, а способ предъявления себя другим. Нет, в смысле внешности я совсем не колобок. Ни прежде, ни теперь. Хотя теперь и нагулял шесть лишних килограммов — в госпиталях сейчас прилично кормят. И тем не менее, я в хорошей форме — подтянут, бодр, не на диете, интересуюсь женщинами и лёгок на подъём. Надеюсь, мои дела ещё не скоро накроются бордовой шляпой.

Да, я ценю себя, и не вижу в этом срама. Ценю, но не надутый гусак, не Нарцисс — без перебора. Просто смертельно хочется жить (слышал, что так бывает на войне; там — особенно). Такой вот — ни хороший, ни плохой, не идеал и не обсевок в поле. Видел как-то в телевизоре выступление хора зрелых, но бойких кумушек под названием «Ещё не вечер». Это про меня.

Хотел сразу начать рассказ о нём, о Емеле, но почему-то начал с себя. Потому, наверное, следует ещё чуть-чуть добавить — для, так сказать, завершения пейзажа.

В пять лет я был чистейшее создание. И в шесть. И в семь... Падение случилось в девять. Произошло это прискорбное событие в Доме культуры Ленсовета, на новогодней ёлке. Нет — вовсе не Баба-яга, и не Снегурочка, и не рыжая пройдоха Лисичка-сестричка... Снежинки — эти бестии с преступно стройными, затянутыми в белые колготки ножками, — нарушили моё безгрешие, мою кристальную невинность. Глядя, как они в своих воздушных пачках-юбочках порхают по сцене, я в первый раз почувствовал, что вождедею. О ужас! Это был удар, которого я никак не ждал. Удар, прерывающий дыхание. Так нас настигает пугающее откровение об истинном устройстве мира — о смерти, о равнодушии к тебе непостижимой и ужасающей Вселенной. Откровение о том, что центр мироздания — не ты. Это как падение с велосипеда на раму пахом. Снежинки — вот исчадия и соблазн для детских хрустальных душ!

С тех пор я — тот, кто есть. С тех пор мир для меня из года в год во все стороны пропитывался эротизмом, а окружающие предметы в первую очередь рассматривались с точки зрения того, насколько удоб-

1. ПРОФЕССОР ПРЕЛЕСТЕЙ

но будет на них расположить женщину. (Впоследствии я узнал, что подобный взгляд на вещи был знаком и Чехову, который писал издателю Суворину про московских дам, готовых к *употреблению* на каждом диване: «Диван очень неудобная вещь. Его обвиняют в блуде чаще, чем он того заслуживает. Я раз в жизни только пользовался диваном и проклял его».) Что говорить о женщинах? Непостижимым образом я находил sex арреал, чувственность, воспалявшую фантазию, повсюду — то в облаке, то в поезде метро, несущемся в тоннель, то в шевелении кустов, то в пышнобёдрой вазе на столе, то в музыке, то в закате... Да, и в закате тоже! Помнится, даже сочинил по случаю стихи (в юности было дело — кто без греха):

Густой и вязкой массой света
Закат стекал по небу вниз.
На мягком животе планеты
Посевы Бога растеклись.

Думаю, для довершения пейзажа достаточно.

* * *

С Емельяном (выше про Емелю сказал не для словца, именно так зовут его приятели: он, как и колобок, родом из сказки — Красоткин Емельян) мы знакомы